

Свет из России

В. ЦВЕТОВ

ТОКИЙЦЫ стараются селиться подальше от центра: здесь и земля дешевле, и нет шума и пыли, которые отравляют существование жителей центральных районов. Примерно в получасе езды от тяжелых, каменных улиц, залитых светом рекламы, Токио становится сплошь одноэтажным и деревянным. Таким он простирается на многие километры. Здесь живут чиновники государственных учреждений, средние служащие частных компаний, все те, кому средства позволяют иметь собственный домик и миниатюрный садик подле него с двумя-тремя карликовыми деревцами.

Вот и домик на окраине Токио, который я ищу. Хозяин его, Ясухико Кобаяси, главный редактор 44-томного Собрания сочинений В. И. Ленина, изданного в Японии, пригласил меня в гости.

Толкнув стеклянную дверь, мягко покотившуюся на роликах в сторону, я шагнул в небольшую прихожую, вымощенную крупными морскими камнями. Видимо, их недавно полили, и они выглядели свежими, яркими, будто только что вытасканными со дна моря. На мой возглас: «Гомэн кудасай!» — что означает и «разрешите», и «простите», и «виноват», в зависимости от обстоятельств, — выбежала хозяйка. Я отдал ей свои туфли, надел предложенные ею

тапочки — дзори — и двинулся по блестящему и ровному, как зеркало, полу узкого коридорчика. В конце его хозяйка раздвинула легкие стены — сёдзи, и я вошел в устланную циновками из рисовой соломы комнату.

Скрестив ноги, Ясухико Кобаяси сидел на полу у низкого столика. Тому, кто впервые попадает в японский дом, циновки, низкие инкрустированные столики, какие мы привыкли видеть, пожалуй, только в музеях старинной восточной утвари, длинные, свешивающиеся со стен картины — изображения веток вишни или сосны, исполненные тушью в условной, древней манере, — кажутся резким контрастом телевизору, люминесцентной трубке, освещающей комнату, электрическому камину с отражателем. Но когда часто сталкиваешься с подобным смешением эпох и стилей, привыкаешь к этому и уже не удивляешься. Кобаяси выключил телевизор, подвинул поближе ко мне электрический камин, и мы начали знакомиться.

Кем бы ни был японец, на какой бы ступени общественной лестницы ни стоял, при знакомстве с ним вы непременно получите визитную карточку. Кобаяси протянул мне две визитные карточки. На одной стояла его фамилия, на другой значилось: «Мурата». Заметив мое недоумение, Кобаяси сказал: — Видите ли, в годы подполья кличка Мурата стала моей второй фамилией...

Повстречаясь мне Кобаяси снова где-нибудь на людной улице, я наверняка не узнал бы его. Ничем, на взгляд иностранца, не примечательное лицо, строгий темно-серый костюм, белая рубашка, скромный галстук — так одевается, пожалуй, каждый второй японец. Разве лишь легкая хромота выдавала бы Кобаяси из толпы. Редкий иностранец не ошибается, пытаясь угадать возраст японца. Не был исключением и я, дав Ясухико Кобаяси гораздо меньше его пятидесяти восьми лет.

Жизнь в подполье оставила неизгладимый след на всем облике Кобаяси. Сдержанный, немногословный, он может произвести впечатление «сухаря». Таким, собственно, мне его и характеризовали. Но уже после первых общих слов, обычных при знакомстве, я увидел в Кобаяси совсем другого человека: за сдержанностью, я бы даже сказал суровостью, скрывался увлеченный, горячий человек, интересный рассказчик.

А рассказывал мне Кобаяси о том, в чем видел смысл своей жизни. Он говорил о проникновении в Японию ленинизма, об огромном влиянии вышедших здесь трудов Ленина.

В конце 20-х — начале 30-х годов реакция в Японии несколько ослабла, и в общественной жизни почувствовались новые, прогрессивные веяния.

— Бурное это было время. Я имею в виду среду интеллигенции, студенчество. Какие только политические течения не захватывали тогда нас, японских студентов! Среди моих друзей были и социал-реформисты, и анархо-синдикалисты, и либералы, и еще бог знает кто... И все-таки большинство —

Публикуемый отрывок взят из документальной повести Владимира Цветова «Наш корреспондент сообщает из России...», которая выходит в издательстве «Молодая гвардия».

этого нельзя было не заметить — находилось под влиянием только что прочитанных книг Ленина.

Какие же работы Владимира Ильича Ленина могли читать в Японии на рубеже 20-х и 30-х годов? Уже много позже после встречи с Кобаяси я случайно познакомился с любопытным документом — списком книг, газет и журналов, изъятых в Японии из продажи и из библиотек накануне второй мировой войны. Прежде других изданий японская цензура запретила книги В. И. Ленина. В этом огромном списке, занявшем четыре объемистых тома, помимо даты изъятия, значился и год выпуска в свет книги или журнала. Мне стало ясно: в тот период, когда Ясухико Кобаяси учился в университете, студенты имели возможность познакомиться, например, с авторефератом доклада Ленина «О задачах РСДРП в русской революции», прочитанного Владимиром Ильичем на немецком языке перед швейцарскими рабочими в Цюрихе 14 марта 1917 года. В октябре 1917 года японские социалисты поместили этот автореферат — первую на японском языке работу Ленина — в своем журнале «Синсякай» («Новое общество»), озаглавив: «Русская революция». В Японии знали и ленинскую брошюру «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)», знали и работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Очередные задачи Советской власти», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века».

Примерно тогда же, в 1919 году, в Японии вышли из печати двести книг, излагавших социалистические теории, и почти столько же — в первую половину следующего года. В связи с этим сообщением министерства просвещения, припомнил Кобаяси, газеты писали: «Преступные идеи все более просачиваются в Японию, особенно влияют они на учащихся». Однако подлинно марксистских работ среди изданных книг было мало. Это понимали японские марксисты. Тогда-то Сэн Катаяма¹, который из-за полицейских преследований вынужден был покинуть Японию и перебраться в Америку, опубликовал в газете «Хэймин» («Простолудин») работу Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции».

Мне интересно было узнать, что первый номер японской социалистической газеты «Хэймин» вышел в Сан-Франциско в мае 1916 года, что газету выпустил Сэн Катаяма, что написал материалы, занявшие все четыре полосы газеты, он сам, сам и набрал ее и напечатал на ножной печатной машине, купленной им же. Чтобы иметь деньги на бумагу для газеты, на краску, Катаяма работал грузчиком, официантом, делал деревянные рамки для хромофотографий, пробовал даже играть в театре, где ему предложили исполнять ритуальный синтоистский танец и петь ритуальные песни. Катаяма издавал газету «Хэймин» до декабря 1919 года. В одном из последних номеров газеты и были напечатаны «Задачи пролетариата в нашей революции». Значительную часть тиража этого номера Катаяма сумел переправить в Японию. А в январе 1920 года, после массовых арестов американских коммунистов, он ушел в подполье. Находясь на нелегальном положении, Сэн Катаяма перевел на японский язык произведение Ленина «Государство и революция». Сразу же по выходе из печати книга была запрещена японскими властями. Все же она дошла до масс: оставшиеся неизъятными экземпляры переписывались от руки, перепечатывались на гектографах и тайно

распространялись среди рабочих, студентов, интеллигенции.

Ясухико Кобаяси вышел в соседнюю комнату и принес список книг Ленина, изданных в Японии с 1921 по 1963 год. Это, собственно, была целая брошюра: 410 книг перечислены в ней, не считая 23-томного и 44-томного Собраний сочинений, выпущенных после второй мировой войны. В списке против многих названий я увидел пометку: «хаккин», то есть «запрещено». Наибольшее число таких пометок — против книг, изданных в 1923, 1928 и 1932 годах, когда на японских коммунистов, на профсоюзы обрушивались самые тяжелые удары властей, когда одно только признание в сочувствии компартии означало смерть или долгое тюремное заключение.

Но и в эти годы сочинения Ленина продолжали выходить, они выпускались с двойными обложками (на первой красовалось верноподданническое, что-нибудь вроде «Император — отец народа», а на второй — название ленинской работы) и вообще без обложек, без названия и без указания автора.

— В 1923 году увидели свет «Сборник произведений В. И. Ленина» и отдельная книжка «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Доклад на IV конгрессе Коминтерна, — перечислял Кобаяси. — А еще через год вышли вторым изданием «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Социалистическая революция и правонаций на самоопределение» и «Империализм, как высшая стадия капитализма». В следующие два года, — смотрел Кобаяси в список, — был выпущен Ленинский сборник в десяти брошюрах. В одной из этих брошюр были собраны произведения Ленина, разъясняющие суть новой экономической политики, во второй — статьи и исследования по империализму, в третьей — работы, раскрывающие происхождение и характер войн и отношение к ним большевиков.

Что сообщало издательство о произведениях Ленина? Чем старалось привлечь внимание к его книгам? Забегая вперед, скажу, что я перерыл годовые подшивки многих газет и наконец отыскал «Токио нити-нити» за 16 января 1926 года. В газете я увидел объявление, занимавшее почти весь низ газетной полосы. Я прочел:

«Мысли и философия Ленина, заставившие цивилизацию пойти в новом направлении, исключительно полно представлены в этих десяти брошюрах. Можно соглашаться или не соглашаться с идеями Ленина, но существование рожденной идеями Ленина социалистической Советской Республики является неоспоримым фактом, который невозможно отрицать. Фигура Ленина высоко поднимается над горизонтом истории, предвещая победу на земле нового строя. Понять мысли Ленина — значит понять сущность и смысл поворота в истории человечества. Произведения Ленина — это неисчерпаемый клад знаний. Они — основа для исследований в области освободительного движения рабочих и крестьян. Они необходимы как для тех, кто изучает социальные вопросы, так и для политических деятелей и экономистов. Мы надеемся, что благодаря этим десяти брошюрам Япония сможет впервые постичь величие Ленина».

Я перелистал годовую подшивку «Токио нити-нити» до конца. Оказалось, что в том же 1926 году в Японии были изданы книги и о самом Ленине. В серии «Родо памуфурэтто» («Рабочая брошюра») вслед за биографиями Роберта Оуэна, Карла Маркса, Розы Люксембург вышла книжка о жизни и дея-

¹ Сэн Катаяма — видный деятель японского и международного рабочего движения. Один из основателей японской компартии.

тельности В. И. Ленина. Увидели свет и книги Ем. Ярославского «Биография Ленина» и Н. К. Крупской «Воспоминания о Ленине».

Чуть заметная улыбка мелькнула на губах Кобаяси, и я приготовился услышать что-то любопытное. И верно, он припомнил интересный эпизод. Ленинские «Тезисы доклада о тактике РКП» для III конгресса Коммунистического Интернационала были набраны, напечатаны и сброшюрованы за ночь: утром могла нагрянуть полиция, и книге грозил костер, а тем, кто ее печатал, — тюрьма. Пачки только что отпечатанных книжек были уложены в корзины, укрепленные на велосипедах, как это обычно делают посыльные прачечных, прикрыты сверху выстиранным бельем, и лишь застучали на улице деревянные подошвы гэта первых прохожих, книжки повезли из типографии по подпольным адресам.

Ясухико Кобаяси бережно положил рядом со списком вышедших книг Ленина пожелтевшую, на сгибах протершуюся до дыр газету. «Мусанся симбун» («Пролетарская газета»), 23 марта 1928 года — увидел я название и дату и начал читать отчеркнутое карандашом место:

«15 марта в 10 часов утра правительство, не объясняя причин своих действий, произвело налеты на руководящие центры всех левых пролетарских организаций... Полиция арестовала даже тех, кто жил по соседству с членами пролетарских организаций... Такие налеты были произведены по всей стране, от Хоккайдо до Кюсю, начиная с крупных населенных пунктов области Канто и кончая захолустными горными деревушками...».

Я тут же отыскал в списке книги, изданные в 1928 году. Несмотря на террор, на аресты коммунистов, на разгром многих профсоюзных и левых организаций, почти в те же дни, о которых писала «Мусанся симбун», были снова напечатаны «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция», вышла работа «Удержат ли большевики государственную власть?». 35 книг Ленина, насчитал я, было опубликовано в 1928 году.

— 35 книг Ленина, — посмотрел Кобаяси на меня в упор. — 35 в тот год, — повторил он, — это совсем не просто...

Я понимал, почему так гордо сказал об этом Кобаяси. Я уже знал, что двадцати двух лет вступил он в коммунистическую партию, находившуюся в подполье, и тогда же, в 1931 году, начал работать в Исследовательском институте труда — одной из легальных организаций компартии. Институт занимался переводом на японский язык и подготовкой к печати произведений классиков марксизма-ленинизма. В 1933 году институт был закрыт, и часть его сотрудников оказалась в тюрьме. Ясухико Кобаяси повезло, он избежал ареста, но попал под наблюдение полиции. И для Кобаяси началась полная опасностей жизнь.

После разгрома типографий, печатавших произведения Ленина, стало почти невозможно издавать ленинские книги типографским способом. Кобаяси и его друзья наладили выпуск ленинских работ на гектографах. Легко себе представить, сколько труда нужно положить, чтобы от руки переписать такие книги, как «Развитие капитализма в России» или «Шаг вперед, два шага назад», чтобы отпечатать несколько сот экземпляров и, главное, тайно распространить их. А ведь в то жестокое время хранение дома даже большого количества чистой бумаги могло послужить достаточным основанием для ареста. И все же книги Ленина продолжали выходить. Два года Кобаяси удавалось ускользать от

полиции. Но в 1935 году его выследили, арестовали и бросили в тюрьму.

Вот что, рассказали мне, произошло с Кобаяси в тюрьме. В камере, куда его поместили, уже находилось девять человек, и в ней можно было только сидеть: размеры камеры не превышали пяти квадратных метров. Несколько дней продолжались допросы, ни на шаг не продвинувшие следствие вперед. Очередной допрос начался с утра и длился до позднего вечера. Двое полицейских, которые допрашивали Кобаяси, так и не могли добиться от него признания. «Вы скажете, где напечатали вот это? — кричал вышедший из себя полицейский, тряся перед лицом Кобаяси книгой «Материализм и эмпириокритицизм». — Кто вам помогал это делать? — «Я не занимался печатанием книг Ленина. Откуда же мне знать, где это делалось?» — «Полчаса назад вы признались, что печатали коммунистическую литературу. Даже кивнули головой, когда я спросил об этом. Так где вы это делали? Будете продолжать утверждать, что не знаете? Тогда я вам скажу! — Полицейский ткнул в лицо Кобаяси листок с адресом. — Вот! Смотрите и вспоминайте, кто был там вместе с вами!» Кобаяси молчал. Полицейский со всей силой ударил его дубинкой по голове. «Смотри! Смотри! Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!» Кобаяси молчал. «Вспоминай!» — все более разъярялся полицейский и бешено затопал подкованным ботином по босым ногам Кобаяси. Тот вскрикнул. «О! Ты, оказывается, все-таки существо человеческое и чувствуешь боль? Вспоминай же!» И удары, удары по ногам. Ноги стали красными, потом синими, потом черными. Пальцы превратились в кровавое месиво. Кобаяси стонал, но не произнес ни слова. После нескольких таких допросов Кобаяси был отправлен в больницу. Прямо из больницы его, еще не оправившегося, доставили в суд и приговорили к пяти годам тюремного заключения. Уже шла вторая мировая война, когда Кобаяси, отбыв этот срок, вышел на свободу.

Трудности издания книг Ленина в условиях подполья, тюрьма, пытки не заставили Кобаяси отказаться от дела всей его жизни. После окончания второй мировой войны Ясухико Кобаяси возглавил работу по переводу и изданию сочинений Ленина. Кобаяси овладел русским языком, и многие статьи и речи Ленина переводил сам. Каждая страница перевода и в первоначальном, 23-томном, и в 44-томном Собрании сочинений Ленина тщательно отредактирована и проверена Ясухико Кобаяси — главным редактором обоих изданий.

То, что произведения Ленина широко читаются в Японии и что оба многотомных Собрания сочинений разошлись, было для меня не внове. Я видел людей, читавших Ленина в библиотеках Токио, в которых побывал, видел ленинские тома в кабинете депутата парламента, я познакомился в Кофу, небольшом городе в горах центральной Японии, со студентом, который читал «Государство и революция» на русском языке, сверяясь с японским переводом книги: оказалось, студент, изучая труды Ленина, одновременно учит и русский язык.

— Все это верно, и студент, и депутат парламента, как вы говорите. Ленина читают у нас многие. Вот, пожалуйста. — Кобаяси протянул руку к письменному столу за газетой. — Вот, смотрите...

Кобаяси показал не объявление, занимавшее добрую четверть газетной полосы. Я прочел, что в серии «Народная библиотека» вновь вышли книги Ленина. Я насчитал 16 названий.

— Как видите, книги эти нужны, книги эти спрашивают. Сейчас просто нельзя не знать Ленина...